

ОНА БЫЛА... СВЕТОНОСНАЯ!

Источник: Шерстневская Т. С. Она была... светоносная // Культура (приложение к газете «Местное время»). 1998, № 3. Переопубликовано из: [Васильева Н. Е. Дом. Екатерина Осиповна Преображенская](#) // Филолог. 2005. Выпуск №6.

Время еще достаточно закрытое, и такая поездка для меня была просто невообразима. А город оказался своим, прочувствованным, пережитым. И даже узнаваемым: вот собор, где венчался Милый друг; канавка, где потеряла туфельку прелестная Мюзетта... А это — лавка редкостей, где Рафаэль обрел шагреневую кожу.

Уже в конце маршрута наш гид, «эмигрантка с 13-ти лет» (дама 73-х лет с удивительной образной русской речью), объявила: «Посмотрите, вот здесь, в этом приюте, великая русская балерина Преображенская провела свои последние дни». Припомнив вид программки из Императорского театра — на шелку и по-французски, я подумала вслух: «А я, наверное, знаю ее родственницу — Екатерину Осиповну»... Реакция была мгновенной: «Так это же моя гимназическая подруга, мы за одной партой сидели, племянница балерины».

Вечером, когда все ушли после ужина в ресторане «За столом у короля» (средневековые камни, мох, плющ), наш разговор продлился.

— А вы знаете о судьбе Екатерины Осиповны? — вопрос гида.

— Нет, не знаю, но догадываюсь, что было в ее жизни что-то очень страшное.

— Она всегда была экзальтированной, с детства любила французскую культуру и решила принять католичество. Как раз в 1937 году, и, естественно, оказалась в лагерях. Там она и встретила своего будущего мужа.

Екатерина Осиповна Преображенская читала нам курс зарубежной литературы. И все, о чем она говорила, тревожило, восхищало, оживало самым чудесным образом. Сражение романтиков с классиками на премьере «Эрнани»... Видения немецких романтических баллад, идеалы красоты и справедливости минувших времен становились живыми, современными, просто необходимыми именно в твоей душевной жизни.

А о судьбе ее мы тогда ничего не знали. Да и сейчас окружена тайной ее биография, и столько версий и легенд. Но коллеги по университету, давно уже остепененные ученики, сходятся в одном: уникальная женщина!

— Она была единственным человеком старой дворянской культуры, настоящей, глубокой, без; налетов, без примесей и она была... светоносная! (Н. Васильева)

— Представитель той культуры, что уже почти исчезла; она одна могла на приемных экзаменах на романо-германский факультет свободно переходить с одного языка на другой, третий... Как она была красива! (А. Любимова)

— В ней соединялась античная строгость отстранения и — щедрость. Общение, конечно, было избирательно. Екатерина Осиповна могла увлечься картиной, книгой, она читала все новинки раньше своих аспирантов и коллег. Премьеры, концерты, выставки — она была всюду. Ее культура не была снобистской, замкнутой. Она была очень доброй: в соседней

квартире мальчик-инвалид оживлялся даже от произнесения ее имени, не только от присутствия. Она понимала его очень чутко. (З. Станкеева)

— Рассказы ее были прелестны. Она рассказывала маленькой Ксюшке, лет девяти, о своем детстве. Как они плыли мимо знаменитой скалы Лорелеи, и вдруг весь пароход запел знаменитую балладу. Или как за границей она, девочкой, испугалась морской волны и убежала. А мама ей выговаривала: нельзя бояться, могут подумать, что русские девочки трусливы. Или даже, как мама щипала ее, чтобы, по уговору, плакала громче (для отвлечения): из-за границы везли запрещенного Герцена. А истории ее петровских стульев, вольтеровского кресла! (Н. Гашева)

И вот я сижу в той квартире, где Екатерина Осиповна жила перед отъездом в Москву. Надежда Кирилловна Немира, дочь ее коллеги, приоткрывает горестные тайны.

— Нет, в Сорбонне не училась, это было невозможно. А училась в ленинградском Герценовском, откуда была отчислена и отправлена в Нарымский край в 1924 году. Но ректор, по счастью, сохранил документы, вместо того, чтобы их немедленно уничтожить.

Ее муж, инженер-строитель (и меньшевик) Яков Михайлович Пик, действительно познакомился с ней в ссылке. Католичество, скорее всего, не принимала, а исключили из вуза за участие в теософском кружке, каких тогда было много. В Пермь прибыла в 1932 году...

У меня в руках последние письма Е. О. Преображенской из Москвы к Зинаиде Васильевне Станкеевой, коллеге и ученице. Они полны впечатлений от книг и последних журнальных публикаций. К сожалению, в Москве обострилась аллергическая астма, которой страдала в детстве. Екатерина Осиповна пишет: «Я помню, как кричала: “Мама, дай мне воздуха!” Врачи не знали, как мне помочь, и наконец один молодой врач из Петербургской военно-медицинской академии сказал маме: “Везите ее на берег океана, и пусть она целые дни возится с водорослями (йод!)”. И это мне помогло. Два года меня возили в Бретань, в рыбацью деревушку, а затем началась война». Похоже, детские впечатления определили будущую профессию и дали возможность чудесно оживлять минувшее для своих учеников, составляющих сегодня немалую часть пермского культурного слоя.